

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНИГИ ЛИТАГЕНТСТВА ФТМ

КЛАССИКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЭМИЛЬ ЗОЛА

1840-1902

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНИГИ ЛИТАГЕНТСТВА ФТМ

Эмиль Золя

Жерминаль

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
3-81

Перевод с французского Наталии Немчиновой

Золя, Э.

З-81 Жерминаль / Э. Золя; [пер. с фр. Н. Немчинова]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2019. – 800 с. – (Легендарные книги литагентства ФТМ).

«Жерминаль» — тринадцатый роман цикла «Ругон-Маккары», одно из лучших произведений французского писателя Эмиля Золя. На примере нескольких поколений шахтерской семьи Маэ писатель воссоздает картину тяжелой жизни шахтёров и их борьбы за свои права. Изнурительный труд, нищета и полуголодное существование рабочих приводят к грандиозной забастовке на шахте в Монсу.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74498-5

© Т8 RUGRAM, 2019
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2019
© Перевод. Н. Немчинова, наследники, 2019

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

В непроглядной тьме беззвездной ночи по большаку, проложенному из Маршьяна в Монсу и на протяжении десяти километров рассекавшему свекловичные поля, шел одинокий путник. Впереди ничего не было видно, даже земли, но он чувствовал, что вокруг плоская равнина, — холодный мартовский ветер гулял тут на приволье, налетая порывами, словно шквал в морских просторах, проносясь над болотами и голой низиной. Ни единого деревца не вырисовывалось в небе; в сыром и холодном мраке дорога пролегла ровная, прямая, как стрела.

Путник отправился из Маршьяна в третьем часу, шел широким шагом, дрожа от стужи в вытертой своей ватной куртке и плисовых штанах. Ему очень мешал узелок с пожитками, завязанными в клетчатый платок, и он все прижимал локтем этот узелок то к левому, то к правому боку, пытаясь поглубже засунуть в карманы озябшие красные руки, до крови потрескавшиеся на ветру. У этого человека не было ни работы, ни пристанища, и сейчас в усталой голо-

ве почти не было мыслей — только надежда на то, что с восходом солнца чуть потеплеет. Он шел уже час, — до Монсу оставалось километра два, — и вдруг, слева от дороги, увидел три красных огня, горевших под открытым небом, словно три костра, но как будто повисших в воздухе. Путник заколебался, стало страшно идти туда, но он не мог сопротивиться мучительному желанию хоть минутку погреться у огня.

Дорога теперь тянулась в глубокой выемке, огни исчезли. Справа поднимался забор из нетесаных досок, огораживавший полотно железной дороги, а слева над откосом, поросшим травой, смутно виднелись коньки низких кровель и едва угадывались однообразные очертания деревенских домишек. Путник прошел шагов двести. На повороте дороги снова появились огни, но он все не мог понять, почему они горят так высоко в беззвездном небе, будто три чадных луны. А внизу открывалось другое зрелище, заставившее его остановиться. Там чернело громоздкое скопище приземистых строений, над ними вздымалась высокая фабричная труба; кое-где в немых окнах тускло светились огоньки; снаружи подвешены были к черным балкам пять-шесть тусклых фонарей, обрисовывавших какую-то вышку, похожую на исполинские козлы; и из этих фантастических сооружений, затянутых мраком и дымом, доносился лишь один звук: с протяжным, громким шумом откуда-то вырывался невидимый в темноте пар.

Тогда путник понял, что перед ним угольные копи. И ему стало досадно. Зачем он сюда пришел? Работы ведь не дадут. И он не направился к строениям, а решился наконец взобраться на террикон, где в трех чугунных сквозных жаровнях горел каменный уголь, освещая место работы и согревая людей. Должно быть, ремонтные работы в шахте вели до глубокой ночи: на-гора все еще подавали пустую породу. Теперь путник слышал, как грохотали по мосткам колеса, различал фигуры рабочих, опрокидывавших вагонетки у каждой жаровни.

— Здорово! — сказал он, подходя к одной из жаровен.

Спиной к огню стоял возчик, старик в лиловой шерстяной фуфайке, в картузе из кроличьего меха. Большая буланая лошадь остановилась как вкопанная и ждала, когда опорожнят шесть вагонеток, которые она привезла. Рабочий, приставленный к разгрузочному механизму, рыжий тощий малый, не торопясь, с сонным видом нажимал рычаг. А на гребне террикона все сильнее задувал холодный северный ветер, резавший лицо, едва не сбивавший с ног.

— Здорово! — ответил старик.

Наступило молчание.

Чувствуя, что на него смотрят с подозрением, прохожий тотчас назвал себя:

— Меня зовут Этьен Лантье, я механик... Не найдется ли здесь работы?

Пламя ярко освещало его. На вид ему было не больше двадцати одного года; очень смуглый, красивый парень, худощавый, но, должно быть, сильный.

Успокоившись, возчик покачал головой.

— Работы для механика здесь не найдется. Нет...
Вчера опять двое приходили. Нет ничего.

Порыв ветра прервал его речь. Когда утихло, Этьен спросил, указывая на темное скопище построек у подножия террикона:

— Это шахта, да?

Старик не мог ответить: он зашелся кашлем. Наконец сплюнул, и на земле, багровой в отсветах огня, осталось черное пятно.

— Правильно — Воре́йская шахта. А вон там рабочий поселок, совсем близко, можно сказать, рядом.

И, в свою очередь, протянул руку, указывая на селение, крыши которого Этьен Лантье еще дорогой смутно различил в темноте. Тем временем все шесть вагонеток были опорожнены, и старик, даже не щелкнув кнутом, отправился обратно, вслед за своим поездом, с трудом переступая негнущимися от ревматизма ногами; буланая лошадь трусила между рельсами, налегая на постромки, и ветер ерошил на ней шерсть.

Шахта постепенно выплывала из темноты. Забывшись у костра, Этьен грел иззябшие руки, все в кровотокающих трещинках, и рассматривал надшахтные постройки: большой крытый толем сарай

сортировочной, копер над стволом шахты, обширное помещение для машины, четырехугольную башенку, где установлен был паровой насос для откачки воды. Шахта, сгрудившая в лощине свои приземистые кирпичные строения, вздымавшая высокую трубу, словно грозный рог, казалась ему каким-то злобным ненасытным зверем, который залег тут, готовый пожрать весь мир. Всматриваясь в него, он думал о самом себе, о своих скитаниях: вот уже неделя, как он бродяжничает, тщетно ищет работы. Вспоминалось, как он работал в железнодорожных мастерских, как дал пощечину начальнику, как его выгнали за это из мастерских, выслали из Лилля, а теперь гонят отовсюду; в субботу пришел в Маршьен — говорили, что там есть работа на железодельном заводе; но, оказалось, ничего нет — ни там, ни в Сонвиле; воскресенье пришлось провести под навесом тележной мастерской, прячась между штабелями досок: в два часа ночи сторож его прогнал. И вот нет ничего, ни единого су, даже сухой корки хлеба нет. Как же теперь быть? Зачем без толку скитаться по дорогам, даже не зная, где укрыться от ледяного ветра? А это действительно шахта; редкие фонари освещали площадку, где сваливали уголь; внезапно распахнулась дверь, и за нею, при ярком свете, он увидел огненные топки паровых котлов. Теперь ему стало понятно, откуда раздавались странные звуки: с равномерным непрерывным пыхтением в шахте работал насос, и казалось, что это

дышит притаившееся во тьме чудовище, дышит надсадно, хрипло, с долгими всхлипываниями, словно у него заложило грудь.

Чернорабочий, ссутулясь, сидел у разгрузочного механизма, ни разу не подняв глаз на Этьена, и тот уже собирался уйти, подобрав свой узелок, упавший на землю, как вдруг послышался затяжной кашель, — возвращался возчик. Постепенно из мрака выросла его фигура, за ним брела буланая лошадь, тащившая шесть груженных вагонеток.

— В Монсу есть фабрики? — спросил прохожий.

Старик сплюнул черным и ответил под завывающие ветра:

— В Монсу? Еще бы! Сколько их там! Поглядел бы ты года три-четыре назад. Все так и кипело, не хватало рабочих. Зарабатывали хорошо! Сроду таких заработков не бывало... А теперь вот опять брюхо подводит с голоду. Смотреть жалко, что кругом делается! Увольняют всех подряд, мастерские одна за другой закрываются... Император, может, и не виноват... Да зачем он ввязался в войну в Америке? А к тому же холера людей косит, да и скот тоже мрет.

Тогда и прохожий начал жаловаться, вторя старику короткими фразами, потому что от ветра перехватывало дыхание. Он рассказал о своих бесплодных поисках работы, о скитаниях, длившихся уже неделю. Так что же теперь, с голоду, что ли, подыхать? Скоро на дорогах полно будет нищих.